

Смерть ростовщика

Автор:

Садриддин Айни

Смерть ростовщика

Садриддин Айни

Старый скряга и ростовщик из Бухары своей жадностью и хитростью превращается в большого человека, но под маской нищего и жадного мужчины. Он настолько жаден, но богат согласно слухам, что каждый, кто брал у него в долг, то должен был возвращать ему с огромными процентами. В итоге, его характер и порядок деятельности начинает пересекать интересы многих его окружающих, которые решаются разыграть с ним злую шутку.

Смерть ростовщика

Садриддин Айни

© Садриддин Айни, 2020

ISBN 978-5-0051-6456-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ростовщику вовеки не понять – Как можно корку нищему подать? Немыслимо – как сталь разбить стеклом Или как зубы о кисель сломать.

По сложившемуся в Бухаре обычаю, учиться в медресе мог только тот, кто занимал там худжру. Поэтому, когда однажды, году

примерно в 1895, я остался без жилья, под угрозой оказалось и моё учение.

Найти же в Бухаре худжру было делом нелегким, хотя в городе имелось до сотни крупных медресе и почти столько же мелких. Худжры считались вакуфными*, и, по шариату, нельзя было ни продавать их, ни покупать. Однако улемы** изыскали «законные» способы оформлять и продажу и покупку, издав особые на то разрешения – так называемые «фетва». *** Постепенно во всех медресе худжры перешли в руки богачей, а бедным учащимся, вроде меня, получить жильё, а значит, и возможность учиться, стало очень нелегко.

Один из моих друзей, узнав, в каком я положении, сказал мне:

– Есть в Бухаре человек по имени Кори Ишкамба. У него несколько худжр, может, он сможет, он сдаст тебе одну из них.

Странное имя, названное моим приятелем, заинтересовало меня куда больше, чем перспектива найти худжру.

Действительно, это было удивительнейшее имя, вернее прозвище! Ведь «ишкамба» – это желудок травоядного животного, место, где скапливается проглоченная пища. Никогда не доводилось слышать, чтобы так звали человека!...

За что же могли дать такое обидное прозвище? Я спросил своего друга объяснить мне это.

* «Худжры считались вакуфными...» – то есть принадлежали мусульманской церкви. Вакуфным считалось недвижимое имущество, находившееся в «вечном дарении», то есть завещанное религиозным организациям и мечетям. Вакуфное имущество налогами не облагалось.

**Улем – мусульманский богослов.

***Фетва – решение, заключение, выносившееся на основе шариата толкователями мусульманского права муфтиями.

– Настоящее имя его Кори Исмат, – сказал тот. – Из-за огромного живота сначала к его имени добавили «Ишкам» – «живот», потом какие-то шутники переименовали прозвище в «Ишкамба». Постепенно имя Исмат отпало, и его стали называть просто Кори Ишкамба. А прозвище, как известно, пристаёт крепче имени. Так получилось и с Кори Исматом, – люди позабыли его настоящее имя, всем он известен как Кори Ишкамба.

– Вряд ли можно ждать добра от человека, прозванного Желудком, – заметил я. – Но всё же познакомь меня с ним, попрошу у него худжру, а там будь что будет. Как гласит пословица: «Удастся – вырастет поливное, не удастся – выйдет богарное». Если он и откажет мне, так я хоть погляжу, по крайней мере, каков человек, прозванный Ишкамбой!

– Я сам с ним не знаком, а потому не могу тебя познакомить, – сказал мой приятель. – Но он часто встречается мне, как-нибудь покажу на улице, а ты уж найди случай познакомиться с ним и спросить о жилье. На том и порешили.

II

Однажды я прогуливался с этим же приятелем возле водоёма Диванбеги – единственном месте в Бухаре, где можно было отдо-

хнуть. Вдруг мой приятель остановился и указал мне на человека, входившего к цирюльнику.

- Вот он - Кори Ишкамба!

Я успел увидеть лишь спину человека со странным прозвищем «Желудок».

- Пока Кори Ишкамба бреется, я побуду здесь, успею рассмотреть его как следует, - сказал я приятелю. - Представится удобный случай - познакомлюсь и спрошу о худжре.

Приятель ушёл, а я уселся на суфе у цирюльни и, стараясь не привлекать внимания, принялся разглядывать Кори Ишкамбу.

Он оказался человеком среднего роста, и живот у него действительно был непомерно большой - такого я не видел ни у кого из толстяков. Жирное, расплывшееся тело и толстая короткая шея были под стать животу. На широком полном лице Кори Ишкамбы росла длинная борода, густая и спутанная, как заросли травы.

Тут я подумал, что если б Кори Ишкамбе сбросить бороду, он стал бы действительно похож на желудок, вынутый из освежеванного верблюда, разве что отличался б от него ещё большей величиной да цветом, напоминающим кожу облезлого после чесотки верблюда.

Кто знает, может, ему дали прозвище «Ишкамба» не только за огромный живот, но и за то, что он весь - с головы до ног - походил на желудок.

Настала очередь бриться Кори Ишкамбе.

- Будьте любезны, садитесь на скамеечку! - обратился к нему ци-рюльник, натачивая бритву на точильном камне.

Кори Ишкамба тяжело поднялся - то ли ему трудно было поднять своё грузное тело, то ли недуг какой давал себя знать...

Сняв с головы чалму, он хотел было повесить её на деревянный колышек, поверх полотенца парикмахера. Мастер поспешно положил бритву и брусок на полочку у зеркала и обеими руками принял у Кори Ишкамбы его чалму.

– Ваша чалма чуть не в пуд весом, – сказал он полушутливо. – Если её повесить на колышек, он наверняка обломится, полотенца полетят на землю и перепачкаются. – С этими словами он положил чалму на небольшую суфу в углу комнаты.

Хотя чалма Кори Ишкамбы действительно была чрезмерно велика – вдвое больше чалмы любого муллы, – все же колышек, разумеется, не обломился бы под её тяжестью. Мастер просто побоялся, что чалма испачкает его полотенца: в складках её густо залегла пыль, сбившаяся в липкую грязь, – можно было подумать, что Кори Ишкамба наворачивал на голову не кисею, а тряпку для мытья полов.

– Это хорошо, что вы позаботились о своих полотенцах, заодно по-берегли и мою чалму, – сказал в ответ Кори Ишкамба. – Если бы колышек, обломился, то и моя чалма оказалась бы в пыли, а я бы понёс убыток: ведь на её стирку требуется по меньшей мере пять золотников мыла!

– Ну уж вы скажете, – заметил цирюльник. – Вашей ли чалме бояться пыли! Видать, давненько ей, бедняге, не приходилось полоскаться в лохани. По правде сказать, она грязнее вот этого земляного пола.

– Не думаете ли вы, что такую большую чалму можно класть в ло-хань каждую неделю? – возразил Кори Ишкамба. – Этак недолго разориться на мыле!

– Что же вы не заведете чалму поменьше? И материи пошло бы не так много, и стирать легче. Ну, и на мыле скопили бы себе состояние!

– Эх, что вы понимаете! Моя чалма не простая, – без тени улыбки ответил Кори Ишкамба, – она помогает мне и на свадьбах получше угоститься, и на похоронах получить кусок ткани побольше.* Когда я в такой чалме явлюсь на похороны, то мне дают по два аршина бязи или ситца, хотя всем другим отрезают по одному. А на свадебном пиру предо мной ставят блюдо побольше и плов накладывают пожирнее да с мясом.

Разговаривая мастер не переставал водить бритвой по бруску. Наточив и направив бритву, он обвязал шею Кори Ишкамбы полотенцем и приступил к бритью.

– Кто вас не знает, тот не пригласит ни на свадьбу, ни на похороны, а кто знает, то встретит так, как найдёт нужным: не поглядит на размеры вашей чалмы. Так зачем же тратить лишнюю ткань.

– Ну и простак же вы, братец! Ежели б я довольствовался тем, что получаю на тех поминках, на которые меня приглашают, я и за бритьё не мог бы заплатить! Полуденную молитву я совершаю в мечети Диванбеги. Каждого покойника, которого туда приносят, – знаком он был мне или нет, – я провожаю до могилы и получаю свою долю!

– Не так-то уж много вы тратите на бритьё, чтобы стоило беспокоиться о деньгах! – сказал с усмешкой цирюльник, смачивая водой и массируя ему голову. – Люди бреются по два раза в неделю, а вы – раз в два месяца, да и то платите половину.

Эти слова заставили меня внимательно взглянуть на голову Кори Ишкамбы. Волосы у него действительно отросли, как у заключённых в эмирском зиндане**, и спутанными прядями покрывали лоб, виски, затылок, сплетаясь с бородой, как нити основы и утка. На темени виднелась плешь величиной с ладонь.

Замечание цирюльника, видимо, сильно задело Кори Ишкамбу. Он высвободил свою голову из его рук и, взглянув ему в глаза, провозгласил с обидой в голосе:

– Брею я голову каждую неделю или раз в два месяца – это моё дело. Длинные у меня волосы или короткие – вы всё равно проводите бритвой только один раз. Когда вы снимаете волосы подлиннее, вам не приходит-

*«Получить кусок ткани побольше...» – По обычаю, после похорон в память о покойном все присутствующие на кладбище родственники умершего и участники траурной процессии получали куски материи – йиртиш.

** Зиндан – темница, подземная тюрьма.

ся лишний раз проводить бритвой по одному и тому же месту. А если я плачу меньше других – так и на это зря обижаетесь: сами видите – половину моей головы занимает плешь, по ней вы совсем не водите бритвой!

Надо же принять это во внимание!

Вероятно, желая успокоить Кори Ишкамбу, мастер мягко сказал:

– Я ведь только пошутил. Мало ли дадите, много ли, дядюшка Кори, всё равно приму ваши деньги с признательностью и буду считать их благословенными.

Кончив брить голову Кори Ишкамбе, цирюльник снял с его шеи полотенце и стряхнул волосы в ящик. Он собирался повязать полотенце снова, чтобы, смочив голову, соскоблить бритвой грязь с кожи, но Кори Ишкамба остановил его:

– Не надо, подровняйте немного усы, и хватит. Мне некогда, спешу!

– Торопитесь на чьи-нибудь похороны? – спросил мастер.

– Нет, – не поняв скрытой иронии возразил, Кори Ишкамба. – Если и случится попасть сегодня на похороны, то не раньше полудня. – Он взглянул на настенные часы. – А сейчас всего десять.

– Что же за неотложное у вас дело? Спешите незванным гостем на чью-нибудь свадьбу?

Кори Ишкамба опять не заметил издевки. Он ответил серьёзно и спокойно:

– Дело в том, что как раз в это время в банке завтракают. Стоит опоздать, и я лишусь вкусного сладкого чая.

Весь этот разговор вызвал у меня сильное недоумение.

«У этого человека несколько собственных худжр в медресе, – рассуждал я, – почему же он экономит даже ничтожную мелочь на бритвё, рассчитывает на дары, раздаваемые на похоронах незнакомых ему людей? А если он нищий

и мой приятель просто подшутил надо мной, сказав, что он может сдать худжру, как же в таком случае Кори Ишкамба притязает на знакомство со служащими банка, даже ходит к ним пить чай?.. Ну, да ладно, если даже приятель решил разыграть меня, всё равно тип мне попался презабавный. Стоит понаблюдать за этим человеком, узнать его повадки, послушать его разговоры. Для меня, любителя разгадывать странные характеры, это настоящая находка. Не беда, если у него нет худжры или он не захочет сдать её, – он и сам по себе представляет для меня большой интерес. Послежу за ним, выясню, что он за птица. Разговор о жилье послужит поводом для знакомства».

Кори Ишкамба еле дождался, пока мастер кончил подстригать ему усы. Едва тот снял с его шеи полотенце, как толстяк, сопя, поднялся со скамейки, схватил свою чалму, напялил на голову и поспешно вышел.

– Эй, дядюшка Кори, а деньги! – закричал ему вслед парикмахер.

Но Кори Ишкамба, не останавливаясь, бросил через плечо:

– В следующий раз заплачу сразу за два бритья. – И он так быстро скрылся в толпе, что мне пришлось отказаться от мысли познакомиться с ним в этот раз.

Долго ещё бродил я потом по улицам вдоль лавок, но увидеть его мне так и не довелось.

III

На другой день, после того как я наблюдал за Кори Ишкамбой у цирюльника, я решил разыскать его и непременно с ним позна-

комиться. Обойдя водоём Диванбеги, я попал на улицу торговцев тканями, которая тянулась от водоёма до мечети Диванбеги на восток. Внимательно оглядев улицу до самого перекрёстка и не найдя того, кого искал, я отправился дальше, к рядам торговцев фарфором.

Ряды эти, начинаясь от улицы продавцов тканями, тянулись к северу.

Не пройдя и десяти шагов, я увидел Кори Ишкамбу; он сидел на суфе у лавки продавца фарфора. Пройдя немного дальше, я также присел у закрытой лавки на другой стороне улицы и, не подавая виду, что интересуюсь Кори Ишкамбой, стал следить за каждым его движением, как кошка, подстерегающая мышь.

Толстяк и хозяин лавки пили чай. Мимо проходил торговец лепешками. На голове он нес корзину, в руках – другую.

Зазывая покупателей, лепёшечник кричал:

– Горячие, горячие, руки обжигают! Не из муки они из чистого саха-ра, замешены не на воде – на масле, не отведаете – пожалеете!

Кори Ишкамба подозвал его, выбрал две лепёшки и, не спрашивая о цене, не торгуясь с продавцом, положил их на лежавший перед хозяином круглый веер от мух. Потом, словно бы намереваясь уплатить, сунул руку в карман, пошарил, но денег не вытащил. Не смущаясь, разломил лепёшку, говоря хозяину лавки:

– Братец, у меня не оказалось мелких денег, сделайте милость, уплатите за лепёшки!

И, не дожидаясь ответа, приступил к еде.

Хозяин лавки остолбенел от удивления. Посмотрел сначала на Кори Ишкамбу, потом на лепёшки, наконец осведомился у продавца о цене, почесал затылок, вынув из ящика деньги, отпустил лепёшечника.

А Кори Ишкамба не зевал – взгляд его прикован был к вееру. Он брал куски лепешки и, складывая вдвое и втрое запихивал в рот.

Торговец фарфором сообразил, что Кори Ишкамба не думает предлагать ему лепешку и скоро от неё ничего не останется. Поэтому взял поскорее кусок и, сунув в рот, запил чаем. Увидев это, Кори Ишкамба так набил рот, что не в состоянии был вымолвить слово. Знаком показав торговцу, чтобы тот скорее допивал свой чай и наливал ему. Ведь он, бедняга, не мог без чая проглотить застрявшую в горле пищу. Указывая одной рукой на чайник, другую Кори

Ишкамба положил на последний кусок лепёшки, оставшийся на веере, боясь, как бы он не достался сотрапезнику.

Торговец одним глотком выпил оставшийся чай и налил Кори Ишкамбе. Протянув ему пиалу, он с насмешливой улыбкой стал наблюдать, как управляется Кори Ишкамба с остатками лепёшки. Тот подул на чай, отхлебнул немного и с трудом сделал глоток. Освободив немного рот, он отправил туда последний кусок. Допив чай, Кори Ишкамба отставил пиалу, встал с места и, ни слова не говоря, пустился в путь.

Я – за ним.

Не успев пройти и двадцати шагов, Кори Ишкамба снова присел, на этот раз у лавки торговца сундуками. К сожалению, около этой лавки не оказалось подходящего места для наблюдения – мне пришлось пройти немного дальше. Уголкем глаз я видел, что хозяин расположился в глубине лавки, за поставленными на ребро счетами. Перед ним, видимо, лежало что-то съестное, он завтракал, закрывшись счетами от прохожих. Но разве могла укрыться еда от острого, как у галки, глаза Кори Ишкамбы? Не мешкая присел он на пороге лавки и протянул руку за счеты. Как ни прятал сундучник свою еду, Кори Ишкамба сумел принять участие и в его завтраке.

Я не слышал, как и о чём они говорили, но подозреваю, что на беседу время не тратилось, слишком поглощен был Кори Ишкамба принятием пищи. И вряд ли я ошибся, – едва хозяин лавки поднял счёты и отложил их в сторону, Кори Ишкамба встал и отправился дальше.

Кори Ишкамба вошел в маленькую крытую улочку между рядами торговцев фарфором и москательщиков. Здесь торговали тибетейками и шелковыми

тканями. Я тоже завернул туда и быстро зашагал за Кори Ишкамбой, стараясь не отставать от него. Он остановился возле лавки продавца тюбетеек.

– Ну, продали вы мои тюбетейки? – спросил он.

Этот вопрос Кори Ишкамбы поверг меня в ещё большее изумление. Человек, который, как нищий, старался получить кусок ткани на похоронах неизвестных ему людей, который незваным являлся на свадьбы, чтобы угоститься там пловом, человек который водит близкое знакомство со служащими банка, теперь оказался не то мастером по вышиванию тюбетеек, не то перекупщиком. Желание подслушать разговор было слишком велико, и я позабыл об осторожности, подошёл поближе и встал за спиной Кори Ишкамбы.

– Нет, ещё не продал! – ответил ему продавец тюбетеек.

Кори Ишкамба посмотрел на продавца с недоверием.

– Наверное, продали, а деньги пустили в оборот!

– Уж больно вы подозрительны, дядюшка Кори, – с раздражением проговорил торговец и, нагнувшись, достал с одной из полок, закрытой занавеской, сложенные стопкой тюбетейки. Положив товар перед Кори Ишкамбой, он спросил:

– Ваши это тюбетейки?

Когда Кори Ишкамба подтвердил, что тюбетейки действительно его, торговец, подтолкнув к нему стопку, заявил:

– Забирайте их! Уносите! Не желаю я в награду за услуги терпеть оскорбительные намеки и упрёки!

Кори Ишкамба сразу стал извиняться:

– Что вы, что вы, я верю вам, я просто пошутил, а вы вот приняли мою шутку всерьёз и даже рассердились!

– Ах, что толку сердиться! Разве впервые я слышу от вас подобные шутки, – сказал более спокойным тоном торговец, гнев которого, видимо, остыл.

Кори Ишкамба тотчас же воспользовался этим.

– Вот и хорошо, оставим шутки! – воскликнул он.– Послушайте, лю-безнейший, мне сегодня крайне нужны деньги! Выручите меня, дайте за мои тубетейки вперёд... Ну, если не всё, то хоть половину! А я уж помолюсь и за ваше здоровье, и за здоровье ваших детей!

– Опять вы шутите... А если говорите серьёзно, то меня это не устраивает!

– Почему? – деланно удивился Кори Ишкамба.

– Вы же сами просите продавать свои тубетейки приезжим покупателям в розницу и по высокой цене. Но поштучно я их скоро не распродам. Как же я могу вложить свой капитал в ваш товар! Какая мне выгода, что я на этом заработаю? А из каких денег уплачу за найм лавки, откуда возьму на жизнь, из каких доходов смогу погасить свой долг вам? Вы ведь за каждые сто тенге берёте ежемесячно две с половиной тенги процентов! – Помолчав немного и переведя дух, продавец тубетеек добавил: – Давайте договоримся так: или вы в течение одного месяца не будете насчитывать на мой долг проценты, или уступите тубетейки по оптовой цене. Вот тогда я вам сейчас же оплачу наличными деньгами всю стоимость вашего товара. Ну, что скажете? Согласны?

– Нет, это меня не устраивает! Так я потеряю четвертую часть дохода тубетеек! – сказал Кори Ишкамба. Разговор пришёлся ему не по душе, и он собрался уходить.

– Что вы спешите? Присаживайтесь! Я закажу чайник чая в счёт тех денег, которые выручу за ваши тубетейки, – воскликнул не без ехидства торговец.

– Нет, не нужно, благодарствуйте! Мне пора в банк, чаю я напьюсь там! – сказал Кори Ишкамба и насмешливо добавил: – Чай, который вы рассчитываете заказать на деньги, вырученные от продажи моих тубетеек, не утолит ни вашей, ни моей жажды!

Когда Кори Ишкамба отошёл, взгляд торговца упал на меня.

– Что вам угодно? – спросил он.

– Мне нужна тюбетейка! – ответил я, не зная, как ещё объяснить, по-чому я всё это время торчал за спиной Кори Ишкамбы.

Услышав мои слова, Кори Ишкамба проворно повернулся к торговцу и попросил:

– Покажи им из моих тюбетеек, может быть одна из них будет продана при мне, и я тут же смогу получить деньги! Ей-богу, мне они до крайности нужны!

Торговец протянул мне стопку тюбетеек Кори Ишкамбы, сказав:

– Выбирайте из этих!

Не собираясь покупать, я рассеянно оглядел тюбетейки и, выбрав наугад одну из них, спросил о цене.

– Пять тенге, – ответил торговец.

– Две тенги! – сказал я, возвращая всю стопку и думая про себя: «Ведь денег-то у меня нет! Вдруг торговец согласится, под каким предлогом откажусь я от покупки?» При этой мысли я весь покрылся потом.

– Имейте совесть, братец! – вступил в торг Кори Ишкамба. – Ведь один лишь материал для тюбетейки стоит больше четырех тенге! Надо что-то выручить за шитьё! Да ладно, пускай шитьё обойдётся вам даром, – давайте четыре тенги!

Я ничего не ответил на слова Кори Ишкамбы, будто и не слышал их.

Опытный торговец, который по глазам умел понять – серьёзный перед ним покупатель или только желающий прицениться, взял из моих рук тюбетейки и, уложив обратно под занавеску, сказал Кори Ишкамбе:

– Дядюшка Кори, напрасно надеетесь, они ничего не купят!

Убедившись, что я не покупатель, Кори Ишкамба продолжил свой путь. Я пустился за ним.

Выйдя на улицу ведущую к рядам бакалейщиков, Кори Ишкамба снова остановился у одной из лавок. Я опять пристроился за ним, делая вид, что собираюсь совершить покупку.

Поздоровавшись с хозяином лавки, Кори сказал ему:

- Дайте мне кусочек гулканд* в счёт правнуков!

Улыбнувшись, бакалейщик приподнял крышку большой медной чаши, стоявшей перед ним, отломил железной лопаточкой кусочек леденца величиной с грецкий орех и протянул Кори Ишкамбе.

Кори Ишкамба взял лопаточку, положил в рот гулканд и, посасывая его, сказал:

- Правнук что-то маленьким оказался! Прилип к зубам, растаял во рту, а внутрь ничего не попало!

* Гулканд – народное лечебное снадобье, приготовленное из лепестков чайной розы, растёртых с сахаром.

- Лавочка у меня тесная, товара и капитала мало, да и товар такой, что покупателя на него нет, и не найдёшь его, поэтому я беден. В таком месте правнуки быстро не растут, и не скоро достигают зрелости!

- Ладно, тогда не в счёт правнуков, а просто, бога ради, дайте мне ещё кусочек гулканд, а то у меня охладел к пище желудок и совсем пропал аппетит, хоть плачь! А я помолюсь за вас, чтобы бог привел вас увидеть свадьбу ваших детей!

– Ох-хо-хо! – вздохнул хозяин. – Хорошо, что у вас охладел желудок, не то вы проглотили бы весь мир, не прожевав! – И всё же он отломил Ишкамбе ещё кусочек гулканды.

Вероятно, хозяин лавочки посчитал меня спутником Кори Ишкамбы. Он со мной не заговорил и не спросил, что мне нужно. Зато сам Кори Ишкамба вдруг оглядел меня с ног до головы острым пронизательным взглядом и, с хрустом разжевывая гулканду, спросил:

– Братец, уж не ко мне ли у вас дело?

Я, признаться, растерялся и, вместо того чтобы прямо сказать, что у меня есть к нему дело, помимо воли произнёс слова приготовленные на тот случай, если ко мне обратится бакалейщик:

– Мне нужен чёрный перец!

Конечно, такой ответ на его вопрос прозвучал нелепо. Кори Ишкамба насмешливо улыбнулся, глядя на меня. Окончательно потерявшись от смущения, я сунул руку в карман, намереваясь купить немного перца и избежать позора. Но в кармане, как назло не нашлось ни гроша. Краснея и бледнея от стыда, обливаясь потом, я сказал бакалейщику:

– Простите, у меня случайно не оказалось с собой денег. Я схожу за деньгами и тогда возьму у вас перца.

Торопливо покидая лавку, я кинул взгляд на Кори Ишкамбу, – оттопырив нижнюю губу он многозначительно покачал головой и что-то сказал бакалейщику. Но слов я уже не расслышал.

Итак, охота в этот день не удалась. Я сам спугнул дичь, и кажется навсегда: Кори Ишкамба понял, что я не собирался покупать ни перца, ни тибетейки, что в обоих случаях я притворялся. Теперь не приходилось рассчитывать, что мне удастся познакомиться с ним на улице.

Я очень досадовал на свою оплошность. Стоило мне ответить на его вопрос утвердительно, сказать прямо, что мне нужно переговорить с ним, изложить свою просьбу, и он бы понял, почему я хожу за ним по пятам. Пусть бы он даже отказал мне в худжре, я хотя бы понаблюдал за образом жизни этого странного человека. То, что я лишился возможности следить за ним дальше, огорчило меня больше, чем утрата надежды на худжру.

Однако теперь поздно было сожалеть и раскаиваться, я ничего не мог изменить.

И всё же я верил, что рано или поздно сведу знакомство с этим человеком и пойму его характер.

IV

На следующий день выйдя на базарный перекрёсток, я направился к чайному ряду, который тянулся на север от мечети Диван-

беги, между медресе Кукалташ и мечетью Магок.

Среди чайных лавок на южной стороне улицы, как раз против тупичка, где торговали углём расположен был караван-сарай*, известный под названием Джаннатмакони.

По обеим сторонам у входа в караван-сарай находились две высокие суфы. На одной из них всегда сидел со своим подносом торговец сладостями Рахими Канд.

Рахими Канд был на редкость занятым человеком. Я получил немалое удовольствие от разговоров с ним. Мне нравилось слушать его рассказы о жизни, и я частенько присаживался на соседнюю суфу, чтобы побеседовать с ним.

Упомянув Рахима Канда, я должен немного рассказать и о нём своим читателям.

Уроженец селения Фаик, Шафрианского туменя, он прошёл обучение в Бухаре, выбрав профессию музыканта. Рахими Канд неплохо играл на тамбуре, но особым талантом не обладал. Петь он и вовсе не умел, не был речист и, не отличаясь приятностью обращения и любезностью, не мог украсить пирушку забавным рассказом или остроумным словом. Потому богачи не приглашали его играть на свадьбе или торжественном

* Караван-сарай – постоянный двор, гостиница.

приёме гостей. Спрос на его искусство был невелик, а когда его всё же приглашали на свадьбу или пирушку, платили мало – две-три тенги за весь вечер, это равнялось тридцати копейкам. Что и говорить, сами понимаете, Рахими Канд был беден, очень беден, ничего не имел за душой и не редко голодал.

Так как приглашать этого музыканта было много дешевле, чем других, учащиеся медресе чаще всего именно его звали на свои устраиваемые в складчину пирушки.

На одной такой пирушке я и познакомился с ним.

Иногда в разгаре веселья учащиеся подшучивали над Рахими Кандом, а некоторые позволяли себе проделки, переходящие грань допустимого, обижали его.

Однажды мои однокурсники – более ста человек – собрали в начале учебного года деньги для учителя, – тысячу пятьсот тенге. Вручили учителю в виде подарка к началу года (так называемого ифтитахона) тысячу четыреста тенге, а остальные сто тенге решили истратить на ночную пирушку, пригласив на неё тамбуриста.

Угощение на эти деньги получилось довольно скромное, и музыканта позвали самого дешевого – Рахими Канда. Певцами выступали по очереди все желающие самоучки – «савти», как их называли на жаргоне учащихся медресе.

Пир начался. Рахими Канд играл на тамбуре, а любители пели. Среди пирующих оказалось немало людей с хорошими голосами. Они пели один за другим и поэтому не уставали, зато Рахими Канд, игравший без передышки с вечера до полуночи, так переутомился, что уже не в силах был бить по струнам своими одеревеневшими пальцами. Тамбур его умолк. Учащиеся потребовали, чтобы музыкант продолжал играть, но он решительно отказался.

- Хоть убейте - не могу больше!

- Вот как! - с угрозой воскликнул один из певцов, Амин, по прозвищу «Мышь».

- Да так - больше играть не стану! - Эй, друзья, вставайте, устроим «кучу малу»! - крикнул Амин - Мышь и повалил Рахима Канда на ковёр. На них навалилось несколько озорников. С криком и шутками они принялись колотить и мять бедного тамбуриста. Тот сперва стонал и охал, а потом заплакал и взмолился, чтобы его отпустили. Его не слушали, продолжали бить, пока он не пообещал снова взяться за свой тамбур.

Рахими Канд поднялся. Сел на своё место, он дрожащими пальцами ударил по струнам. Но дребезжащие звуки походили теперь на жужжание мухи, запутавшейся в сетях паука.

Тут подали последнее угощение - плов. Перед гостями и устроителями пирушки выстроился ряд блюд. Это спасло Рахими Канда от мучителей: вкусный дымящийся плов они предпочли игре на тамбуре.

Когда пирушка подошла к концу и все стали расходиться, устроители вечеринки рассчитались с Рахими Кандом, - дали ему положенные две тенги, а сверх того поставили перед ним большую чашку плова, накрытую лепешкой, - для его ребятишек.

Ох, как осчастливило Рахими Канда неожиданное подношение! Благословляя хозяев, он говорил:

- Да воздаст вам бог за это, желаю вам всем стать мударрисами, муф-тиями, аламами,* раисами, казиями и казикаланами!**

– Знаешь, друг, чтобы твои слова исполнились, все теперешние му-даррисы, муфтии и всякие раисы должны умереть или потерять свои должности, – сказал один из учащихся. – Если же все важные лица, которых ты своим пожеланием попросту проклял, прослышат о твоих словах, они устроят тебе такую «кучу малу», что живым не останешься!

– Пускай, – ответил Рахими Канд, и его губы кажется, впервые за весь вечер сложились в улыбку. – Если после «кучи малы» мне всегда будут давать чашку плова да ещё и лепёшку, я не стану жаловаться на судьбу!

Конечно, Рахими Канд не мог прокормить свою семью на две тенги, перепавшие ему, увы, не каждый день, да на случайную подачку раз в несколько недель, а иногда и месяцев на свадьбах и пирушках. Никаким ремеслом он не владел, ничему другому не был обучен, поэтому подрабатывал немного, продавая сладости. Для настоящей большой торговли у него не было капитала. Весь его товар состоял из кучки наколотого сахара и небольшого количества леденцов и конфет. Кусочки сахара побольше он продавал по два пула за кусок, а мелкие по одному пулу. Разложив на одной стороне подноса сахар, на другой – дешёвенькие конфеты и леденцы из патоки, он каждое утро выходил к караван-сараю Джаннатма-

* Алам – один из высших религиозных санов в Бухарском эмирате, глава мусульманских законоведов. ** Казикалан – верховный судья.

кони, садился на суфу и поджидал покупателей; товар его имел спрос в основном среди уличных мальчишек.

Из-за этого побочного занятия к имени Рахими – Тамбуриста прибавилось слово «Канд» – «Сахар», под этим прозвищем он и был известен среди бухарцев.

Иной раз и я покупал на копейку что-нибудь из «коммерческих товаров» Рахима Канда. Выбрав кусок сахара или конфету, я закладывал лакомство за щеку и посасывал, усевшись на суфу. Покупал я конфету не потому, что хотел сладкого; нет меня привлекали занятные рассказы и анекдоты продавца, которые я мог слушать, сидя подле него.

Он всегда был рад даже самому бедному покупателю и охотно вступал в разговоры.

Рассказывал Рахими Канд большей частью о случаях из своей жизни или о том, что довелось увидеть или услышать. Однако он, мягко выражаясь, не чурался преувеличений. И, бывало, сочинял такие небылицы, что слушатели рты раскрывали. Рассказывал он красочно, будто в самом деле был очевидцем или даже участником происшествия. Кажется, музыкант-лоточник и сам свято верил во всё, что произносили его уста. Мне больше всего нравились как раз его, похожие на сказки, вымыслы.

Из того, что довелось мне услышать от Рахими Канда, я запомнил два рассказа, и хочу привести их здесь.

Однажды Рахим Канд пожаловался мне на плохие времена, на то, что люди теперь утратили хороший вкус и перестали ценить настоящее искусство.

– Будь у людей вкус, умей они ценить искусство, – начал он, – сумели бы отличить настоящего мастера, оценить его игру и не стали бы плохих музыкантов возносить до небес, а таких, как я, – швырять в пыль!

Все эти ваши прославленные музыканты всего-навсего самоучки, они в глаза не видали хорошего учителя, не знали настоящей школы, выросли на почве искусства, как растёт сама по себе сорная трава в цветнике. Зато они здорово дурачат простаков, расхваливают себя перед неразборчивыми людьми и выманивают у них деньги. А я вот несколько лет обучался у мастеров первой руки, овладел подлинным мастерством и не могу заработать теперь на кусок хлеба, на платье, чтобы прикрыть наготу!

После такого вступления Рахими Канд продолжал:

– Я десять лет обучался и служил у Насруллы, продавца котлов.

Люди называли его для краткости просто Насрулла-Котёл. А он в своё время считался лучшим знатоком Шашмакома*.

Когда я полностью овладел искусством исполнять на тамбуре макамы – они текли из-под моих пальцев, как струи ручья, – мой учитель стал брать меня с собой на пиры. Однажды Насрулло-Котёл взял меня на пирушку, которую устроил зять казикалана в своём саду в селении Хитойон.

Были там и другие певцы и музыканты. Настроив на один лад свои инструменты, мы играли вместе, хором пели и певцы. Увеселение продолжалось до полуночи. Когда гости съели последнее блюдо плова и разошлись кто куда, чтобы поспать, мой учитель обратился к хозяину:

«Если пожелаете и разрешите, мы с моим учеником сыграем для вас отдельно».

Понятно, зять казикалана с удовольствием согласился, и Насрулла велел мне приготовиться для исполнения мелодии Наво**. Я настроил тамбур, учитель взял в руки дойру. Он запел, отбивая ритм, я аккомпанировал ему.

Вдруг прилетели два соловья и опустились на то дерево, под которым сидели мы. Послушали некоторое время наше пение, видно, уловили ритм и принялись щёлкать в такт нашей мелодии. Это ещё более воодушевило моего учителя, он стал состязаться с соловьями, испускал улаждающие слух стоны! Я не отставал и своими умелыми пальцами заставлял дрожать струны тамбура, как струны самого сердца. Слушатели млели от нашей волнующей музыки. Соловьи потерпели поражение в этом состязании – замолкли, а через минуту, ошалелые, кинулись к нам. Один сел на гриф моего тамбура, другой на ободок дойры моего учителя. Все наши слушатели пришли в неистовый восторг, громкая похвала взвилась к самому небу!

Я не сомневался, что такого рода рассказы Рахими Канда далеки от истины, но не подавал вида, что не верю ему, притворялся, будто принимаю всё за чистую монету, ведь почувствуй он с моей стороны хоть малейшее недоверие, очень рассердился бы и, возможно, порвал бы со мной знакомство; во всяком случае, мне больше никогда не довелось бы услышать от него подобной истории.

* Шашмаком – «Шесть макомов», название народного музыкально-вокального произведения. Состоит из шести самостоятельных разделов – макомов. В свою очередь каждый маком состоит из частей, объединяющий вокальные и музыкальные фрагменты, разработанные по строго определенной системе. В вокальной части обычно поются стихи классиков таджикско-персидской поэзии. ** Наво – название третьего макома.

Иногда Рахими Канд повествовал о легендарном героизме живых людей – наших современников. Однажды речь зашла о войне эмира Музаффара с горцами*. По словам Рахими Канда, эмир, одержав победу, в течение одного часа убил четыреста человек, взятых в плен, и сложил башню из голов гиссарцев и кулябцев. Ярче всего Рахими Канд описывал подвиги участника этой войны Азизуллы.

Я знал Азизуллу. Он происходил из Балха и обучался в бухарском медресе. На войну с горцами пошёл добровольцем и, сражаясь на стороне Музаффара, достиг высоких должностей. В то время, когда Рахими Канд рассказывал мне об этом человеке, он был раисом в Гиждуване.

Особую известность Азизулла приобрёл своим враньём. Он сам говорил о себе, что если ему не удастся удачно соврать сто раз в день, вечером он не сможет спокойно уснуть.

Рахими Канд рассказывал мне о подвигах Азизуллы-Враля следующее:

– Он был в рядах отборных воинов, из числа приближённых эми-ра, и участвовал в нападениях на кулябцев и гиссарцев. Верхом на своём коне он налетал на врага и каждым взмахом сабли срубал головы десятидвенадцати воинам. Однажды в разгар битвы ему пришлось проскочить верхом между двумя тузовыми деревьями, они росли совсем рядом – ветви их переплелись между собой, и голова Азизуллы застряла между ними, оторвавшись от тела. А он не растерялся, тут же повернул лошадь обратно, высвободил из ветвей голову и приладил её на шее прежде, чем застыла кровь. Голова сразу приросла,

и Азизулла как ни в чём не бывало продолжал битву.

Эта история привела меня в восторг, и, позабыв про обидчивость Рахими Канда, я воскликнул:

– Хорошо ещё, что Азизулла в спешке не приставил свою голову за-дом наперед! Глаза оказались бы на том месте, где у людей затылок, а это причинило бы ему в жизни много неудобств!

Рахими Канд, почувствовал в моих словах недоверие к его рассказу, сердито оборвал:

– Он не был ни слепым, ни глупым, – хорошо знал, как должна сидеть на шее его собственная голова!

* «Речь зашла о войне эмира Музаффара с горцами». – Бухарский эмир Музаффар присоединил к своему ханству мелкие феодальные владения – гиссарские, шахрисябские, китабские и другие.

Я извинился и уверил рассказчика, что не сомневаюсь в правдивости его слов. Однако после того случая Рахими Канд долго воздерживался рассказывать что-нибудь.

V

Направившись вдоль чайных рядов, я дошёл до караван-сарая

Джаннатмакони. На суфе, как всегда сидел Рахими Канд со своим подносом. Купив у него леденец, я присел на противоположную суфу.

Сегодня я поставил перед собой цель разузнать, где, в каком квартале живёт Кори Ишкамба. Все мои помыслы были направлены на это. Поэтому я сидел задумавшись, не пытаюсь втянуть Рахими Канда в разговор и не стремясь услышать какую-нибудь занятную историю. Не успел я съесть свой леденец, как со стороны медресе Кукалташ показался Кори Ишкамба. Я так и впился в него глазами, стараясь определить выражение его лица.

Подойдя ближе, он тоже вгляделся в меня. В его умных, пронизательных глазах ясно читалось: «А, опять тот самый вун!»

Смущённый, я отвел взгляд, сделал вид, что не узнаю подошедшего, но краем глаза продолжал следить за каждым его движением.

Он приблизился к Рахими Канду, взял с его подноса кусочек сахара и один леденец, отправил в рот, затем схватил конфету и, развёртывая бумажку, пошёл дальше.

Побледнев, Рахими Канд закричал ему в след дрожащим голосом.

– Дядюшка Кори, бросьте шутить! Как же так можно! Я человек бед-ный, у меня семья! Заплатите! Пожалуйста, заплатите!

Обернувшись, Кори Ишкамба проговорил:

– Ах ты не благодарный! Не забывай моего угощения! Вспомни плов, который ты ел вчера! Я ещё пригожусь тебе, помогу получить куда больше за эту безделицу! – И преспокойно зашагал дальше.

– Скрыга, ничтожество! – заворчал Рахими Канд.

– Кто это? – спросил я, притворяясь, что совершенно не знаю Кори Ишкамбу.

– Шакал в чалме, кровосос – ростовщик, скрыга, негодяй! – ответил Рахими Канд.

– Как же вам удалось отведать его хлеба-соли? Почему он попрекает вас неблагодарностью?

– Его хлеба-соли жёны его и то ни разу не ели! – ответил Рахим Канд, всё более распаляясь. – Он на вчерашний плов намекал. Один водонос справлял свадьбу и пригласил меня позабавить гостей игрой на тамбуре. Я сидел во дворе на широкой деревянной тахте и играл. Появился среди гостей и этот. Вместе со всеми зашёл в комнату, где подавали угощение, и съел свою долю плова. Потом подошёл ко мне, присел на край тахты. Люди вошли в комнату, угощались пловом, уходили, а он всё сидел возле меня, потом попросил хозяина подать чай. Подошли ещё гости, посидели, поели и ушли, а он всё сидел. Когда наконец все гости поели и разошлись, он сказал прислуживавшим на свадьбе, чтобы и мне принесли плова. «У него не только руки играют, и живот урчит в лад тамбуру! Да смотрите, чтобы плов был пожирней да мясо побольше!»

Принесли блюдо плова и в правду мясо не пожалели, плов был хороший, жирный, только мне не досталось и десятой части! У Кори Ишкамбы был завидный аппетит, хотя он всё время угощался вместе с другими. Пока я съедал одну горсть, он успел отправить в рот три-четыре да при этом умудрялся, обжора, захватить в каждую горсть по жирному куску мяса, выбирал рис с низу, где было пожирнее, так что сало стекало по руке до локтя.

Поев, я хотел снова начать играть и стал подкручивать колышки на тамбуре, настраивать его, а тут Кори приставил жирные губы к моему уху и прошептал:

– Хватит, кончай играть, гости расходятся. Хочешь, устрою так, что тебе дадут блюдо плова, но с условием, половина будет моя. Согласен?

– Понятное дело, согласен, – говорю ему.

– Ну, коли так, проси хозяина свадьбы отпустить тебя!

– Разрешите мне идти? – спросил я хозяина, пряча тамбур в чехол.

Хозяин дал мне плату – две тенги – и положил передо мной лепешку и горсть конфет.

Я положил деньги в карман и стал завязывать лепёшку и сладости в платок. Тут Кори Ишкамба указал на меня хозяину, говоря:

– У этого человека семья. Не пожалейте для него блюдо плова. До-ставьте радость его детям: положите пожирнее, да с мясом, да накройте горячей лепёшкой. Настанет момент, вы опять обратитесь к нему!

Хозяину не оставалось ничего другого, как принести мне плов. Кори Ишкамба вышел первым, а я следом за ним, неся тамбур и блюдо с пловом.

Провожая нас, хозяин сказал:

– Не забудьте вернуть блюдо!

Прошли мы немного, Кори Ишкамба и говорит мне:

– Мой дом как раз по пути. Сначала зайдём ко мне, я отсыплю свою долю, остальное понесёшь домой!

Долго шли мы улицами и переулками, пока наконец добрались до его дома. Оказалось, что он живёт гораздо дальше, чем я.

В этом месте Рахими Канд прервал свой рассказ, чтобы перевести дух.

Так как мне очень хотелось узнать адрес Кори Ишкамбы, я улучил момент и спросил:

– В какой же квартал и на какую улицу вы пришли?

– Знаете квартал Кемухтгаран? Так вот Кори Ишкамба живёт в са-мом конце тупичка, что за караван-сараяем, там, где торгуют сапожками и кожаными калошами! – объяснил мне Рахими Канд и продолжал рассказ: – Так вот, дошли до его дома, он забрал у меня блюдо с пловом и унёс на женскую половину, чтобы отложить свою часть, а когда вынес блюдо назад, лепёшки на ней уже не было. Кори Ишкамба выбрал и всё мясо, а риса осталось не больше восьмой части. Слил он также и весь жир. Очень, очень богат этот человек, да глаза у него ненасытные. Ни перед чем не остановится, ничего не устыдится, чтобы

прибрать к рукам что-нибудь, сколько бы ни получил, никогда не насыщается, – заключил свой рассказ Рахими Канд.

Я заметил:

– Хотя ширазец Саади сказал, что «жадные глаза богача может на-сытить либо удовлетворение желаний, либо могильный прах», я считаю, что жадность этого человека не насытится ни тем, ни другим.

Промолвив эти слова, я поднялся с суфы, так как неожиданно заполучил адрес Кори Ишкамбы со всеми пояснениями, чего я и добивался.

Теперь можно было идти прямо к Кори Ишкамбе.

VI

Пройдя от караван-сарая Джаннатмакони улицей продавцов угля, я вышел к кварталу Кемухтгаран и, войдя в тупичок, увидел в конце его небольшие ворота, которые по всем признакам, сообщенным мне Рахими Кандом, были воротами дома Кори Ишкамбы.

Я постучался, подумав: «Не беда, если окажется, что это не его дом. В крайнем случае спрошу, где он живёт».

Спустя несколько минут за воротами послышались шаги и тихий разговор двух людей. Однако на мой стук они не отозвались. Я постучал ещё раз.

– Кто там? – послышался женский голос.

– Я учащийся медресе, у меня есть дело к дядюшке Кори.

– Вашего дядюшки Кори нет дома! А что у вас за дело?

– О своём деле я скажу им самим! Когда они будут дома?

– Они приходят очень поздно, иногда остаются в гостях у своих знакомых до полуночи, – ответила женщина.

– А если я приду в полночь или даже позже, смогу я их увидеть?

– Нет, нет, – сказал решительно другой женский голос. – Они никого не пускают к себе в дом, даже ворот не открывают. И нам наказали, чтобы мы ни днём, ни ночью никого не впускали. Ещё вчера они напомнили, чтобы мы не открывали дверей даже знакомым. Поэтому советуем вам не затруднять себя понапрасну и не пытаться застать их дома.

– А кем вы приходитесь дядюшке Кори?

– Мы их жёны!

– Может быть у них есть сын, я бы с ним поговорил, он бы сказал о моём деле отцу, а потом передал бы мне ответ.

– У них нет ни сына, ни дочери, ни слуги! – это был голос первой женщины.

– Они как одинокий кипарис, одни-одинёшеньки! – ответила другая.

Слышно было, что она смеётся.

– Ну, хорошо может они бывают дома днём, я приду днём! – сказал я.

– Здесь вы их никогда не сможете найти. Они выходят из дому до рассвета, а возвращаются за полночь, – ответила первая женщина.

Так как выяснилось, что я не смогу застать Кори Ишкамбу дома ни в этот день, ни в любой другой, я решил снова пойти по базарным рядам и, встретив его там, подойти, признаться в своей лжи и рассказать об истинном намерении.

Размышляя так, я прошёл ряды торговцев кожаными калошами и вышел к купольному пассажию Ходжи Мухаммади Паррона. Пройдя через него, я направился вдоль рядов, где торговали табаком и табакерками из тыквочек. Миновав склад кишмиша и урюка, я пересёк улицу москательщиков и достиг рядов торговцев чаем.

День уже клонился к вечеру, почти все торговцы закрыли лавки и разошлись по домам; прохожих было мало. Встретиться мне сейчас Кори Ишкамба, обстановка для разговора с ним была бы не самая подходящая. Но, увы, его не было видно. Когда я подходил к караван-сараю Джаннатмакони, Рахими Канд как раз свертывал свой паласик, собираясь отправляться домой.

Заметив меня, он снова положил паласик на суфу и, улыбаясь, подозвал меня. Я очень удивился, увидев его улыбающимся, – до сих пор это случилось единственный раз за время нашего знакомства, когда, как я уже рассказывал, он получил плов на пирушке учащихса медресе. Обычно лоб у него был нахмурен, выражение лица было таким кислым, будто он отведал уксуса. А сейчас он не только улыбался – даже смеялся тихонько.

Я подошёл к нему.

– Что вы такое сделали Кори Ишкамбе? – спросил он.

– Ничего, а что случилось?

Присев на суфу, Рахими Канд сказал:

– Только вы ушли, как он опять появился тут и принялся расспрашивать, что вы за человек. «Учащийся медресе, гиждуванец», – ответил я ему. «Ну, я был прав в своих подозрениях», – и многозначительно кивнул головой. «А в чём вы его подозревали?» – спросил я. Промолчал и говорит: «Многие думают, что у меня есть деньги. Поэтому не раз уж воры и беспутные люди принимались меня выслеживать. А как убедятся, что я не держу в доме медного гроша, так теряют ко мне интерес, отстают. Последние два-три дня этот ваш ученик медресе всё ходит за мной. Видно, хочет проследить, где я получаю деньги и куда их прячу, а если увидит, что я принёс в дом деньги, конечно, изрубит меня на мелкие кусочки и заберёт моё добро». «Не такой он человек, напрасно вы его подозреваете!» – возразил я ему. «Может, сам по себе он не плохой человек, –

ответил Кори Ишкамба, – да ничего невероятного нет, если земляки сбили его с пути и заставили следить за мной. Во всяком случае, гиждуванцев следует опасаться!»

Помолчав Рахими Канд добавил:

– Кори Исмаат просил меня объяснить вам, как моему знакомому, что денег у него нет и что, если случайно они и попадают ему в руки, он их домой не берёт и вообще не держит дома ничего ценного. «Есть, говорит, у меня в доме два одеяла, так они рваные и грязные, как потник из-под ослиного седла».

В заключение Рахими Канд сказал мне наставительно:

– Остерегайтесь этого человека, от него добра не дождётесь, опутает вас, да ещё оклеветает.

Я объяснил Рахими Канду, зачем я искал Кори Ишкамбу, рассказал о своём намерении попросить у него худжру, описал свои безуспешные попытки в течение нескольких дней поговорить с ним.

Но раз он способен подозревать честного человека, считать его вором и разбойником, не желаю больше ни видеть его, ни просить у него жилья! Обойдусь и без его худжры, и без знакомства с ним! Как говорит Саади, «вернем его дар ему обратно», – сказал я Рахими Канду и, попрощавшись с ним, отправился по своим делам.

VII

После этого разговора прошло несколько дней. Я не встречал больше Кори Ишкамбу, да и не стремился встретить, выкинув

из головы мысль о том, чтобы познакомиться с ним и попросить худжру. Я счёл за лучшее держаться от этого человека подальше.

Как-то сидел я, задумавшись, на плоской крыше лавчонки торговца солью на площади перед медресе Кукалташ. Вдруг около меня на землю легла чья-то тень. Поглощённый своими мыслями, я даже не поднял головы.

– Ас-салам алейкум! – прозвучало надо мной так, как обычно произносят чтецы Корана*.

* «Как обычно произносят чтецы Корана» – то есть гортанно. В арабском языке, на котором написан Коран, буква «айн» означает гортанный звук. «Ассалам алейкум» по-арабски «мир вам» – приветствие, и чтецы Корана соблюдали правила произношения.

Можете представить моё удивление: со мной здоровался, оказывается, сам Кори Ишкамба! Ковыряя в зубах деревянной зубочисткой, он вытаскивал остатки застрявшей между зубами пищи, разглядывал их и снова отправлял в рот.

Обиженный на него за не основательные и оскорбительные подозрения, я нехотя ответил на приветствие и снова погрузился в свои думы.

– Прекрасный воздух на площади перед медресе Кукалташ! – сказал он, присаживаясь рядом со мной.

Я промолчал.

– Братец, может быть, у вас есть какое-нибудь дело, не зря же добрых два дня вы ходили за мной по пятам? – спросил он вкрадчиво.

– Конечно! – ответил я резко. – Мне хотелось узнать, сколько у вас денег и куда вы их прячете, чтобы сообщить это гиждуванским ворам и вас ограбить!

– Согласитесь, что, если незнакомец вас преследует, это, естественно, вызывает подозрение. Вы зря обижаетесь. Расспросив кое-кого и убедившись, что вы

человек честный и порядочный, я хотел извиниться перед вами, потому и подошёл, увидев вас здесь, и присел рядом с вами. Я хотел бы, чтобы вы простили меня! – сказал он, и голос его звучал искренне.

Я промолчал, но он по выражению моего лица понял: извинение принято и я больше не сержусь. Тогда он добавил серьёзно:

– А всё же, думаю, стоит рассказать вам немного о себе. Люди считают меня денежным человеком. Это не верно. Если я и зарабатываю дветри тенги для своей семьи, так и те отдаю на сохранение в верные руки, а потом трачу их по мере надобности.

Из этих слов явствовало, что у него ещё остались сомнения на мой счёт. Однако я понял, что нет смысла разуверять его: в этом человеке подозрительность укоренилась, видимо, как застарелая хроническая болезнь. Всё же, желая хоть немного рассеять его опасения, я сказал:

– Мне нужна худжра. Один из моих друзей сказал, что у вас есть собственные худжры. Поэтому я и стал искать случая поговорить с вами, попросить сдать мне временно одну из них. Однако, узнав, что моя попытка познакомиться вызвала у вас нехорошие подозрения, я решил «вернуть вам ваш дар обратно», – закончил я шутливо.

– Самому мне никогда не доводилось покупать худжры, – объяснил он. – У меня отроду не было и нет наличных денег. Но у меня есть две-три худжры, которые достались мне в наследство от покойного отца.

Подчеркнув таким образом ещё раз, что у него нет наличных денег, Кори Ишкамба, немного помолчав, спросил:

– Что же, нашли вы себе худжру или до сих пор всё без пристанища? – Нет, ещё не нашёл!

– А если найдёте, то будете там каждый день варить плов? – снова спросил он.

У меня промелькнула мысль, что Кори спрашивает об этом потому, что может предложить мне лишь худжру без очага и дымохода. Поэтому я ответил так:

– Меня устроило бы жильё не только без дымохода, но и без очага, потому что я могу вообще обходиться без плова.

– А в моей худжре как раз есть очаг, который требует, чтобы на нем ежедневно готовился хороший жирный плов с мясом на двоих, – сказал он шутливо, но тут же серьёзно добавил: – У меня есть две худжры, которые я сдавал ученикам медресе при условии, что каждый из них раз в день будет готовить плов на двоих: один варит утром, часов в одиннадцать, а другой – к вечеру, перед второй молитвой, и я ежедневно хожу к ним есть...

– Как! Вы можете есть плов два раза в день? – прервал я его вопро-сом.

– О, была бы только возможность, я и четыре и пять раз в день могу поесть плов! – Глаза Кори Ишкамбы загорелись алчным огоньком. – Один из учеников, как мы договорились, добросовестно, каждый день точно в положенное время готовит плов, а другой хитрит: случается, убегает, скрывается от меня. А на второй день, когда я припру его к стенке, находит объяснения: то денег не оказалось, то в гостях был. Но ведь в делах подобные объяснения медного гроша не стоят! В прошлом году он под такими предложениями четыре раза не приготовил плова!

Замолчав, Кори Ишкамба снова стал ковырять в зубах своей острой зубочисткой, но между зубами остатков пищи уже не было, и он вытащил зубочистку окровавленной.

– Сейчас я как раз ел плов у этого «обманщика», – сказал Кори Иш-камба, – вчера он сбежал, а сегодня приготовил плов, но мяса и сала было в нём маловато. Я его предупредил: если и дальше будет поступать так, я выгоню его из худжры... Возьмётесь угощать меня каждый день пловом? Тогда я отберу эту худжру у этого ученика, хоть он и старый мой знакомый. Ну, что скажете?

Я счёл для себя унижительным объяснять этому скряге, что я беден и деньги у меня появляются не часто, ведь известно, что в глазах богачей бедняки являются самыми ничтожными и презренными людьми. Поэтому, не желая раскрывать своего истинного положения, я придумал отговорку:

– Вчера один человек обещал даром уступить мне на время свою худжру. Если он не сможет этого сделать, тогда, возможно, сниму вашу. Каждый день варить

плов и угощать одного человека не трудно, но ещё лучше, если найдётся худжра, за которую не надо платить.

– Разумеется, каждый прежде всего думает о своей выгоде, – согласился Кори Ишкамба и добавил: – Хорошо, если вам или кому-нибудь из ваших знакомых понадобится келья, я всегда могу предоставить её на условиях, о которых уже говорил. Тому, кто будет честно соблюдать уговор, не только келью сдам, молиться за того буду. Я человек бедный, и приходится добывать себе еду таким вот образом. Да, да, я не богач, как думают обо мне люди!

С этой беседы началось моё знакомство с Кори Ишкамбой. С той поры каждый раз, как мы встречались на улице, он спрашивал меня, нашёл ли я жильё. Узнав, что себе я уже раздобыл худжру, он спрашивал, не нужна ли худжра кому-нибудь из моих друзей.

Я отвечал отрицательно, и на этом наш разговор кончался. Но сколько бы раз на день ни повстречались мы с ним, его вопросы и мои ответы неизменно повторялись. Кори Ишкамба, видимо, не терял надежды найти через меня квартиранта, добросовестного и аккуратного, который ежедневно в условленное время честно «будет готовить для него плов».

VIII

По существовавшему в Бухаре обычаю, в начале солнечного года в месяце хамал* устраивались новогодние гуляния в эмирском саду, известном под названием Ширбадан. Помимо обычных харчевен, в которых для гуляющих продавались всевозможные готовые кушанья, открывались ещё и такие, где можно было приготовить плов самим, получив за плату котёл, блюдо и всё необходимое.

* Хамал – первый месяц года по солнечному календарю, с 22 марта по 22 апреля.

Хозяева таких харчевен расставляли легкие шатры, устанавливали перед ними ряд очагов, и за определенную плату предоставляли желающим сварить плов котлы, блюда, припасали дров, а те приносили все необходимые продукты и готовили кушанье по своему вкусу.

Однажды, во время новогодних гуляний, решила приготовить «свой» плов и наша ученическая компания. Нарезав мясо, морковь и лук, товарищи пошли гулять, а я занялся пловом.

Когда сало прокалилось и я уже пережаривал в нём мясо и лук, внезапно появился Кори Ишкамба. После обычных вопросов, нужна ли мне худжра или нет ли ученика, который её ищет, он поинтересовался, с кем я здесь. Я назвал имена нескольких наиболее известных товарищей.

– О, все свои! – сказал он и, отойдя от меня, зашёл в соседнюю харчевню. Поскольку эти харчевни были сооружены из палаток и не имели перегородок, сидящие в одной легко могли наблюдать, что происходит в другой. Там Кори Ишкамба подсел к компании, ожидавшей плова, – плов уже был сварен, но его ещё не подавали.

Между тем я засыпал в котёл рис, дал ему прокипеть и, когда он впитал всю воду, накрыл котёл блюдом, чтобы дать плову упреть. Вернулись мои друзья, расселись в кружок под матерчатым навесом. К этому времени в соседней компании подали плов, и все принялись за него с таким усердием, что никто ни разу не обернулся к нам. Один лишь Кори Ишкамба, отправляя в рот каждую горсть плова, кидал взгляд в нашу сторону.

Но вот доспел и наш плов. Я выложил его на блюдо, оставив немного на дне котла хозяину харчевни «за присмотр», и поставил кушанье перед друзьями.

Едва Кори Ишкамба увидел, что я понёс блюдо, он тут же поднялся со своего места, затем снова нагнулся и взял в горсть остаток плова. С его пальцев ещё стекал жир, когда он поспешно зашагал в нашу сторону. Без разговоров, даже не поздоровавшись, подсел к нам и первым протянул руку к блюду.

Среди нас был один юноша, сын торговца, считавшегося в Бухаре богачом средней руки. Этот юноша, мой давний приятель, был знаком с Кори Ишкамбой и любил перекинуться с ним шуткой.

Когда Кори Ишкамба подсел к нашей компании, он ему сказал:

– Дядюшка Кори, от вас не спасёшься! Куда ни пойдёшь, вы тут как тут, пристанете, как ришта*!

– Сынок, после жатвы я собираю колосья! Как же нам быть, бедня-кам, если не подбирать зёрна? Пусть и нам, неимущим, достанется с гумна богачей, вроде вас, несколько колосьев, – вас не убудет!

– Когда вы угощаетесь пловом у нас дома, говорите, что едите его в счёт «внуков», а что вы скажете о сегодняшнем плове?

– Это уже плов в счёт «правнуков», да буду я жертвой за вас! – сказал Кори. Рот у него был набит, и разобрать слова было почти невозможно.

Больше Кори Ишкамба не произнёс ни слова, не отвечал он на вопросы. Сидел, пригнувшись к блюду и не поднимал головы. Растопыривая пятерню, он забирал плов полной горстью, плотно его уминая, стараясь каждый раз захватить кусок мяса покрупнее. Плов под его руками исчезал с такой же быстротой, с какой в половодье река смывает свои берега. Скоро он проложил в горке риса глубокий ров. Когда он переводил дыхание, зёрнышки риса сыпались изо рта ему на колени, на скатерть и обратно в блюдо.

Увидев это, я перестал есть. Невозможно было смотреть на плов без отвращения. Да и другие протягивали руки к блюду неохотно, брали плов понемногу из-под низу, куда не подали рисинки, падавшие изо рта Кори Ишкамбы.

Иногда плов застревал у него в глотке. Тогда он, не отнимая правой руки от блюда, хватал левой чашку с водой и, отхлебнув, проглатывал пищу.

– Ну, дядюшка Кори, вам бы не худо обзавестись для еды шомполом, – заметил я.

Он усмехнулся, но ничего не ответил: набитый рисом рот не позволял вымолвить и слова.

– Зачем же шомпол? – спросил меня один из товарищей.

– Да чтобы проталкивать пищу через горло и утрамбовывать её в желудке! – ответил я.

– Шомполом для плова ему служит вода! – ответил другой товарищ.

Наконец Кори Ишкамба разделался и с нашим пловом. Он поднялся, вытер руки об ичиги**, тем самым смазав голенища жиром, и ушёл, ни с кем не попрощавшись.

* Ришта – кожное заболевание, широко распространённое в дореволюционной Бухаре. ** Ичиги – мягкие сапоги из тонкой кожи.

Вся наша компания была раздосадована появлением этого неприятного гостя. Больше всех злился я. Потратить столько трудов, приготовить чудесный плов, чтобы потом отказаться его есть и остаться голодным! Другим было не так обидно, они не готовили, к тому же хоть немного поели. Сын богача, который из-за знакомства Кори Ишкамбой чувствовал себя повинным в этой неприятной истории, видимо, понял, что я сержусь на него. Он тихонько поднялся и пошёл к хозяину харчевни. Тот ещё не выбрал из котла плов, оставленный для него. Заплатив за этот плов, приятель положил его на тарелку и поставил передо мной. После всего, что было, аппетит у меня пропал, однако, не желая огорчать друзей, я поел немного. Забота товарища меня растрогала, я успокоился и спросил его уже без всякой обиды:

– Откуда ты знаешь этого прожорливого жука?

– Слишком долго рассказывать, лучше как-нибудь в другой раз!

– Ну ладно, объясни хоть, что значат эти «внуки» и «правнуки». Я уже слышал эти загадочные слова от Кори Ишкамбы. Объясни, и я прощу тебя, а может, и его.

– Разве ты не знаешь! Да ведь он ростовщик. Проценты на деньги, отданные в рост, он называет «детьми» этих денег; проценты на проценты зовёт «внуками»; а проценты на проценты с процентов «правнуками». – И далее пояснил: – Когда кто-нибудь берёт у него деньги в долг, он сдирает с него хорошие проценты, да ещё требует их вперед из занятых у него же денег. Он считает, что это «дети» его денег; пока человек ему должен, ростовщик ходит к нему в дом, ест вместе с ним и считает эту еду «внуками» своих денег. А когда ему доводится, кроме обычного угощения, сорвать со своего должника ещё что-нибудь, – например, съесть дыню, виноград, сласти, – он называет это «правнуками» денег, то есть процентами на проценты с процентов.

IX

Прошло несколько месяцев после этого гулянья в Шибадане. Однажды, уже зимой, после вечернего намаза ко мне в келью во-

шёл мой приятель – сын купца.

– У меня сегодня дело к Кори Ишкамбе. Он сказал, что я смогу видеть его дома часов в десять вечера...

– Да ведь он никого не впускает к себе в дом так поздно, – прервал я его.

– Он в этом деле заинтересован куда больше, чем я, и сам назначил мне время и место встречи. Улицы Бухары, как вы знаете ночами не безопасны, потому прошу вас пойти со мной.

– У тебя отец, братья, слуги. С какой же стати ты хочешь, чтобы я пошёл с тобой? Да и не хочу видеть его омерзительной рожи, не выношу её.

– И всё-таки прошу вас. Дело в том, что я должен отправиться туда втайне от отца, матери и братьев. Был у меня преданный слуга, посвящённый в мои секреты. Но он заболел и уехал домой. Я пришёл к вам, так как доверяю вам больше, чем другим. Кроме того, знаю, что вы умеете держать язык за зубами.

– Открой мне свою «сокровенную тайну», тогда я обдумаю и решу, могу ли я принять участие в этом деле.

– Видите ли, – сказал юноша, – я тайком от родителей взял у этого ростовщика под проценты тысячу тенге. Сегодня я могу их вернуть. Когда же это сделать, если не ночью. Ночь – хранительница многих тайн.

– Так и быть, – согласился я. – Хоть мне смертельно не хочется входить в дом Кори Ишкамбы, я не могу отказать тебе. Пойдём вместе.

Около десяти часов мы пустились в путь. Ночь была тёмной и безлунной. В такие ночи нелегко ходить по узким, извилистым, неосвещённым улочкам Бухары. Хорошо ещё, что в тот день выпал снег. Слабый отраженный свет от него давал возможность видеть, куда мы ступаем, и не наткаться на дома и ограды, не попадать в рытвины.

Мы добрались уже до квартала Кемухтгаран, где жил Кори Ишкамба, когда услышали за собой конский топот. Это был миршаб, объезжающий со своими людьми улицы. Они орали во всё горло, били в медные барабаны, привязанные к луке седла. Дело в том, что миршаб и его люди сами боялись разбойников и по ночам не осмеливались к ним приблизиться. Они предпочитали хватать попадавшихся им на пути честных людей, а потом брать с них выкуп. Если схваченные не могли откупиться, их сажали в тюрьму.

Мы с приятелем сначала растерялись, не знали, как быть. Броситься бежать, – люди миршаба сразу смекнут, что мы честные люди, и кинутся в погоню, схватят нас. Выйти на встречу – так миршаб сразу увидит, что нас бояться ему нечего: добыча сама далась ему в руки.

Приятель мой не на шутку перепугался. Попадись мы – ему бы пришлось откупиться частью тех денег, которые он нёс Кори Ишкамбе.

Нас могли и задержать, бросить в тюрьму, а в этом случае открылась бы тайна, которую приятель так тщательно скрывал от отца.

Я успокоил его, уверил, что бояться нечего, велел следовать за мной, а сам стал осторожно пробираться вдоль стен. У лавок продавцов красок отряд миршаба почти настиг нас. Прячась в тени крытых рядов, мы поднялись на суфу одной из лавок. Отломив небольшой кусок кирпича и взяв его в руку, я приготовился ко всяким неожиданностям.

Сообразив, что мы спрятались в тени крытых рядов, люди миршаба окликнули нас, желая узнать, не разбойники ли мы.

– Кто идёт?

Вместо ответа я швырнул в их сторону обломок кирпича. Они решили, что мы разбойники. Миршаб, замыкавший свой отряд, повернул коня назад, поскакал в переулок, где торгуют углём, затем по направлению к своему сторожевому посту у базарного перекрёстка. Отряд устремился за ним, перестав бить в барабаны и кричать. Когда они исчезли из виду, мы вышли из-за укрытия. Обогнув зловонное болото, куда стекала грязная вода со всего квартала Кемухтгаран, мы свернули налево, в тупичок, к дому Кори Ишкамбы.

Приятель предупредил меня, что я должен тихо стоять сбоку от ворот, не говорить ни слова, не производить не малейшего шума.

– Если Кори Ишкамба догадается, что я привёл с собой посторонне-го, то ворот не откроет.

Я отошёл в сторонку, а он постучался.

Кори Ишкамба поджидал моего приятеля в узком коридорчике, ведущем к воротам, и тот час же откликнулся:

– Кто там?

– Я ваш знакомый, дядюшка Кори, отворите!

Кори Ишкамба открыл. Однако, заметив меня, испуганно вскрикнул и потянул к себе ворота, намереваясь их захлопнуть. Но мой приятель не дал ему это сделать, —потянув к себе створку ворот, он ступил ногой на порог.

– Да не пугайтесь же, дядюшка Кори, это свой! – сказал он и, обратившись ко мне, пригласил войти. Пропустив меня вперед, вошёл и сам. Кори Ишкамба заложил засов, повесил замок и только после этого последовал за нами.

Коридорчик был тёмный и очень узкий. Пробираясь ощупью, я заметил дверь; очевидно, она вела во внутреннюю половину дома. Пройдя мимо, Кори Ишкамба отворил другую дверь. За ней открылась крытая лестница. В полной темноте он стал подниматься, пригласив нас следовать за собой.

Мы шли, упираясь руками в стены, нащупывая ступени. Лестница вывела нас на небольшую открытую террасу над коридорчиком. К ней примыкала комната с двумя дверями, одна из которых служила окном. С другой стороны открытой террасы находился навесик, пройдя под которым Кори Ишкамба открыл дверь и пригласил нас войти.

Наконец мы оказались в комнате. В ней было совершенно темно, мы ничего не видели и стояли, не зная куда сесть. Хозяин прошёл в передний угол, откуда послушался шорох.

– Дядюшка Кори, что вы там делаете? – спросил мой спутник.

– Лампу, лампу ищу, – сказал он и прибавил: – У вас не найдётся спичек?

– У меня нет, – ответил мой приятель, пошарив за пазухой и в карманах.

– И у меня нет, – добавил я.

Кори Ишкамба постучал ногой об пол.

– Что это, дядюшка Кори! Уж не танцуете ли вы там? – спросил я.

– Под этой комнатой жилое помещение. На мой стук кто-нибудь подыметесь сюда, чтобы помочь мне зажечь лампу, – ответил Кори.

И действительно, прошло немного времени, и на лестнице раздались шаги.

– Вынеси лампу, я зажгу от неё свою! – велел Кори Ишкамба тому, кто был на лестнице.

– Почему же вы просите принести лампу, вместо того, чтобы попросить спички? – спросил мой товарищ у хозяина.

– В моём доме всё построено на строгом расчёте, – ответил тот. – За день должна тратиться только одна спичка, по утрам, когда разжигают очаг, чтобы вскипятить чай. – Помолчав немного, он добавил: – Люди думают, что те два-три гроша, которые я скопил, мне дало ростовщичество. Это неверно: всё, что у меня есть, всё я нажил только благодаря бережливости. Как говорится: «Бережливость у очага создаёт купца».

– А если лопнет стекло, пока несут лампу, – ведь это довольно легко может случиться – сейчас идёт снег, – что даст тогда ваша бережливость? Вот уже постине убыток в тысячу раз превзойдет стоимость спички, – промолвил я.

– Мне-то что! Убыток несёт тот, кому принадлежит лампа, – ответил Кори Ишкамба. – Потому-то я и велел вынести сюда лампу с женской половины и не позволю брать туда свою!

– А кому же принадлежит лампа?

– Моим жёнам! – ответил Кори Ишкамба и пояснил: – Они шьют тюбетейки. Раньше лампой и керосином снабжал их я и за это получал половину денег от продажи тюбетеек. Но женщины оказались в расчётах хитрее меня, заявили: «Не так уж много тратите вы на свет, чтобы половину нашего заработка забирать себе!» После этого все расходы на освещение они взяли на себя, но и весь доход попадает к ним.

– Теперь понятно, почему вы стараетесь продать тюбетейки дороже – вы заботитесь о своих жёнах? – спросил я не без ехидства, намекая ему на разговор с продавцом тюбетеек, свидетелем которого я оказался. – Странно это! Ваши рассуждения о лампе говорят о том, что вам дела нет до расходов ваших жён, что вы печётесь только о своей выгоде! Что же заставляет вас стараться

продать тюбетейки подороже?

– Я забочусь только о своей выгоде, – хвастливо сказал Кори Иш-камба и разъяснил, что тюбетейки, которые шьют его жёны, он берёт по той цене, какую уплачивают скупщики, покупая тюбетейки оптом. А потом он отдаёт эти тюбетейки знакомым торговцам для продажи по розничной цене. Разница в цене идёт в его пользу.

– Значит, вы превратились в скупщика! – сказал товарищ.

– Да, я становлюсь скупщиком, – ответил Кори Ишкамба. – Но не таким, как другие, – я не выкидываю в торговлю своих денег, не обременяю себя сидением в лавке и разговорами с покупателями. Я перекупщик, доход от торговли получаю без расходов и трудов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ayni_sadriddin/smert-rostovschika

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)